

В.Н. Бенда (Санкт-Петербург)

ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ РОССИИ XVIII ВЕКА

Необходимость организации воспитательной работы в военно-учебных заведениях XVIII в. в России была очевидна и определялась субъективными и объективными факторами, в том числе комплектованием военно-учебных заведений той поры учащимися различного возраста и социального положения. Причем различия по возрастному и социальному признакам были характерны не только для военных, но и для светских учебных заведений. Например, в гимназии при Академии наук в конце 30-х гг. XVIII в. одновременно проходили обучение 5, 8, 10, 12, 13, 14, 15, 18, 19- и даже 22-летние¹. Наряду с «Николаем Бутурлиным, сенатора Госнодина Ивана Федоровича Бутурлина сыном» здесь учились «Матфей Иванов, отец его стряпчий был», «Гаврило Калинин, отец дьякон в Вологодской епархии»², а вместе с Иваном Павловым – «отец его армянин, который здесь турецкие баши строит» учился Фридрих Вильгельм Резеленш – «отец его был шведский капитан, ныне в Выборге живет»³.

Исследование военно-воспитательной системы указанного периода начинается с изучения форм и методов воспитательной деятельности, применяемых на тот момент в русской армии. Несомненно, что одной из таких форм являлись *военная присяга и ритуал ее принятия*. Эта тема уже была рассмотрена нами в статье «Присяга на верность...» как одно из средств воспитания патриотизма в России и русской армии в XVIII в.»⁴. Здесь отметим только тот факт, что *школьников первых военно-специальных школ, готовящих артиллерийские и инженерные кадры для русской армии, по заведенному порядку при поступлении в школы приводили к присяге*, так

как все их ученики считались воешпослужащими в нижних чинах⁵, получая жалованье и обеспечиваясь казенной одеждой и продовольствием. После смерти Петра I от армейского порядка в военных школах стали постепенно отходить. Учеников перестают привлекать к несению караульной службы, а после 1729 г. и «приводить к присяге»⁶ при поступлении в школу. Хотя отношение к ним как к «...нижним чинам, состоящим на военной службе», сохраняется, а в случае нарушения дисциплины или другого проступка их подвергают военному суду. К сожалению, ни при работе в архивах, ни при изучении материалов из других источников мы не смогли пока найти документов, касающихся текста или ритуала принятия присяги школьниками первых военно-специальных школ петровского времени. Можно предположить, что унифицированного текста присяги и ритуала ее принесения до 1715 г. не существовало.

Важно отметить тот факт, что к присяге приводились не только ученики военно-специальных школ, а в последующем кадетских корпусов, но и ученики так называемых гарнизонных военных школ, сыгравших важную роль в подготовке унтер-офицерских кадров для артиллерийских, инженерных и других частей русской армии. В одном из рапортов в Канцелярию Главной артиллерии и фортификации говорилось: «... находящиеся в крепостях, пришедшие в указной возраст инженерные школьники ... сего числа определены ... в службу в инженерный корпус столярные ученики, ... по приезде в верности службы к присяге, к командам причислить»⁷.

Суть петровской *военной присяги* составляли требования хранить верность царю, «чинить послушание командирам», «от роты и знамя (здесь и далее курсив наш. – Прим. авт.) принадлежу, хотя в поле, обозе или гарнизоне, никогда не отлучаться, по оным, пока жив, непременно, добровольно, и верно так как мне приятна честь моя и живот мой следовать буду»⁸. Каждый пункт петровских уставов, наставлений, инструкций содержал нравственный и профессиональный аспект. В то же время Петр I понимал, что росту боеспособности армии способствует в первую очередь формирование всесторонне развитой и просвещенной личности. Можно однозначно утверждать, что во все времена заботой всех развитых государств и одной из важнейших задач каждого благоразумного правительства было воспитание и образование граждан в национальном и патриотическом направлениях⁹.

Наши солдаты и офицеры всегда знали, за что они сражаются. И конечно же, особое внимание в этом отношении уделялось и российской военной школе.

При изучении аспектов воспитательной деятельности в военно-учебных заведениях XVIII в. нельзя не отметить тот факт, что особое внимание в них уделялось *поддержанию порядка и дисциплины*. Не вызывает сомнения, что высокая дисциплина и порядок являются одним из решающих условий боеспособности войск и победы в бою. Для военно-учебных заведений это залог успешного выполнения учебной программы, а в конечном итоге – обучения и воспитания офицерских кадров, обладающих всеми необходимыми знаниями и умениями, способных не только руководить, но и владеющих приемами и навыками воспитания в соответствии с задачами, обозначенными нами выше. Для их подготовки нужны были система и особая школа, которая по продолжительности, характеру, структуре, методам и средствам должна была отличаться от общей системы образования.

Система воспитания дисциплинированности включала такие методы, как разъяснение обязанностей, личный пример начальника, поощрения и наказания, в том числе и телесные. Система наказаний, сложившаяся в русской армии в XVIII в., была очень суровой. Вместе с тем надо отметить, что в армии и военно-учебных заведениях традиционно проводилась линия на то, чтобы «военное наказание» было «умеренным» и сочеталось «с ясным и кратким истолкованием погрешности». Считалось, что это влияло на честолюбивых русских молодых людей сильнее, чем жестокость.

Анализ архивных документов той поры показывает, что нарушение дисциплины школьниками и кадетами было довольно распространенным явлением, несмотря на принимаемые к провинившимся меры воздействия. Самыми распространенными проступками были воровство, самовольные оставления учебных заведений, пьянство, драки.

Уже первые годы функционирования Сухопутного шляхетного кадетского корпуса ознаменовались серьезными дисциплинарными проступками и разбирательствами по этому поводу. Кадет Александр Ярославов, который проходил обучение с 3 июня 1732 г., был уличен в «...краже казенных вещей»¹⁰ и 4 января 1734 г. «...выключен из корпуса за непристойные дворянству поступки» и направлен в армию солдатом¹¹. Некто Иван Писарев, который обучался в ка-

детском корпусе с 5 апреля 1733 г., был также уличен в краже личных вещей своих товарищей по учебе¹². Работая с материалами архивных документов РГАДА, нам удалось обнаружить документы, проливающие свет на дальнейшую судьбу И. Писарева. Материалы разбирательства по поводу его дисциплинарного проступка были представлены в *Правительствующий Сенат*, который 27 марта 1736 г. принял решение об исключении кадета Писарева из кадетского корпуса, наказании розгами и разжаловании в солдаты. Более того, Сенат вынес дополнительное решение «...о запрещении повышения его (Ивана Писарева. – Прим. авт.) в чинах без ведома Сената, дабы другие кадеты смотря на то от таких предерзостей воздержаться могли»¹³.

Не избежали нарушений дисциплины и ученики военно-специальных школ артиллерийского и инженерного ведомства. Так, например, 17 января 1747 г. генерал-фельдцейхмейстер князь Репнин по результатам рассмотрения доклада главной полицмейстерской канцелярии Санкт-Петербурга, присланного ему 16 января 1747 г., приказал «... инженерного корпуса ученику инженерной школы Пауму Ростопчину... за пьянство, за необычайную езду на лошади ямщика Овсянникова без того ямщика (который остановился для того, чтобы поднять упавшую с головы Ростопчина шляпу. – Прим. авт.), учинить ему, Ростопчину, наказание – высечь при собрании других учеников розгами нещадно»¹⁴. 28 января 1747 г. Н. Ростопчин «...за пьянство и за необычайную езду на лошади... при собрании инженерной школы учеников был сечен розгами»¹⁵. Гаврила Худяков, бежавший из этой же школы 23 января 1747 г., до 9 февраля 1747 г. скитался по улицам Санкт-Петербурга и просил милостыню для пропитания. А почевал он под Семеновским мостом, где его и задержала полиция. Генерал-фельдцейхмейстером Репниным было приказано Г. Худякова «... за отлучку от школы... высечь розгами нещадно при собрании прочих школьников и определить по прежнему в школу»¹⁶.

Материалы другого архивного документа подтверждают, что нарушения дисциплины как во время учебных занятий, так и во внеучебное время были довольно распространены. Например, в ведомости, составленной при 3-й роте шляхетного кадетского корпуса «...с именами кадет которые когда именно и за какое преступление и каким штрафом были штрафованы...», указано, что «кадет Петр Нинит в 1745 г. штрафован 1 раз за леность в классе фухте-

лем, в 1746 г. 2 раза за леность в классе фухтелем и еще как то один раз, в 1747 г. – 3 раза (самовольно вычеркнул себя из списка караульных, за то что будучи на карауле журнал читал, за резвость в классе); в 1749 г. – 1 раз за самовольное отлучение из корпуса (арест и фухтелем)»¹⁷.

Другой кадет, Иван Лавров, начиная с 1743 по 1749 г. подвергался наказанию 21 раз за те или иные дисциплинарные проступки, а именно: в 1743 г. – 1 раз (за леность в классе за штрафным столом), в 1744 г. – 7 раз (за леность или за резвость в классе, как правило фухтелем), в 1745 г. – 4 раза (за леность или резвость в классе или непотребные в классе разговоры – фухтелем), в 1746 г. – 2 раза (за леность в классе – фухтелем), в 1747 г. – 1 раз (за леность в классе арест и сидеть за штрафным столом), в 1748 г. – 3 раза (за то, что был пьян – арест, за леность в классе – фухтелем, за непорядочные поступки – фухтелем), в 1749 г. – 3 раза (за поносительство словами другого кадета – фухтелем, за самовольное отлучение из корпуса – фухтелем и арест)¹⁸.

Не отличались добропорядочностью и другие кадеты. Так, Петр Нянинчев, зачисленный в Сухонутный шляхетный кадетский корпус 16 февраля 1745 г., из офицерских детей (его отец служил во флоте капитаном), как видно из следственного дела, и «единолично», и совместно со своими товарищами-кадетами, совершал кражи из лавок на рынках, а именно: «4 куницы из которых две он продал кадету Алексею Деметьеву за 1 рубль, а прочие две на рынке. Одну медную кастрюлю из желания ради, которую и продал одного корпуса цырюльнику Андрею Погорельскому за 70 копеек. С товарищами (с кадетами Карлом Бахбараниным, Кристианом Гиленшмидтом, Иваном Лавровым и др.) совершил еще 21 кражу, как на рынке, так и у своих товарищей»¹⁹.

Кадетами и учениками военно-специальных школ допускались и другого вида нарушения дисциплины и правопорядка. Несколь-ко примеров.

В 1751 г. проводилось разбирательство по поводу драки кадетов Сухонутного шляхетного кадетского корпуса с «морскими служителями»²⁰, а в 1752 г. опять же было проведено расследование обстоятельств массовой драки кадет этого корпуса с кадетами морского кадетского корпуса²¹.

В военно-специальных школах и кадетских корпусах России XVIII в., да и в последующие времена, как правило, подходили

строго к оценке моральных и деловых качеств будущих офицеров. Легко расставались в теми воспитанниками, кому с трудом давались учеба, кто не отличался здоровьем, порядочностью, честностью, кто был не в ладах с дисциплиной. Кое-что из этого опыта следовало бы перенять организаторам современного военного образования в России.

Пристальное внимание состоянию порядка и дисциплины в армии и в военно-учебных заведениях России стало уделяться с момента воцарения на престоле императрицы Елизаветы Петровны. Толчком к этому послужил тот факт, что *после смерти Петра I в 30–40-е гг. XVIII в.* в воспитании в русской армии начали преобладать негативные тенденции. Уставы и инструкции, составленные Остерманом, Минихом, Бироном и другими временщиками, извратили воспитательную систему: солдат перестал быть государственным человеком; в армию отдавали за провинности, как в тюрьму; солдат не приводили к присяге; офицеры не занимались их обучением и воспитанием, как прежде. Тенденции усиления мер принуждения возобладали над воспитанием патриотизма, а среди воспитательных средств главным стало физическое наказание, особенно за факты нерадивости и непонятливости в обучении. Все это негативно сказалось на общем состоянии дисциплины и правопорядка не только в армии, но и в военно-учебных заведениях. Ответная реакция со стороны правительства и администрации военно-учебных заведений проявилась в проведении комплекса мероприятий по укреплению правопорядка и дисциплины, в первую очередь среди кадет и школьничков.

Уже в начале царствования императрицы Елизаветы Петровны, в 1743 г., проведена первая реорганизация военно-учебных заведений, изменившая и систему воспитания. В это время Школа навигацких искусств переименована в Морской корпус, а Корпус кадетов шляхетских детей в Санкт-Петербурге – в Сухонутный шляхетный кадетский корпус. 19 февраля 1750 г. главным директором Сухонутного шляхетного кадетского корпуса был назначен Борис Григорьевич Юсупов, который детально занимал во все вопросы управления корпусом. Князь Б.Г. Юсупов «...удалил неспособных чиновников, улучшил содержание кадет, ввел лучший порядок в преподавании наук, приказал при ротах вести списки оштрафованных воспитанников, звал отличившихся по наукам и поведению...»²². В РГАДА сохранился одобренный Б.Г. Юсуповым проект

об изменении методики преподавания в классах корпуса: предполагалось составить список книг и авторов пособий; была изменена очередность преподавания предметов: география, а затем история, арифметика прежде геометрии. Особое место уделялось преподаванию «нравственных наук» и повторению пройденного материала²³. Перед преподавателями ставилась задача подготовить офицера, не только владеющего военным искусством, но и знакомого со всеми достижениями научной мысли. В корпусе преподавали такие редкие в учебной практике исторические науки, как геральдика и генеалогия. Кадеты поощрялись в их первых опытах разыгрывать драматические пьесы Сумарокова.

28 июня 1762 г. на русский престол вступила Екатерина II, начавшая свое царствование с обещаний улучшить государственные законы и положение различных сословий, *воспитание и школы*. Она состояла в переписке с французскими просветителями, которых приглашала участвовать в разработке и осуществлении проектов организации народного образования.

Отцом реформ военной школы стал Иван Иванович Бецкой (1704–1795). В 1763 г. он представил Екатерине II *план реорганизации воспитания детей «Генеральное учреждение о воспитании обоюбого пола юношества»*, в котором использовал идеи А. Коменского, Д. Локка и Ж. Руссо. П.Ф. Каптерев отмечал, что «...взгляды Бецкого на воспитание детей, оставаясь по существу взглядами Локка, гораздо шире, гуманнее, а в некоторых пунктах подробнее учений последнего»²⁴. Его взгляды вполне соответствовали идеям императрицы. И.И. Бецкой поставил себе задачу воспитания совершенных граждан – так называемой «новой породы людей».

7 марта 1765 г. И.И. Бецкой вступил в должность главного директора Сухопутного шляхетного кадетского корпуса. В 1766 г. был введен новый «Устав шляхетного сухопутного кадетского корпуса для воспитания и обучения благородного российского юношества»²⁵, составленный И.И. Бецким. Корпус, принятый императрицей под особое покровительство, стал именоваться *Императорским Шляхетским сухопутным кадетским корпусом*.

Новый директор придавал огромное значение вопросам воспитания, утверждая, что «...корень всему злу и добру – воспитание»²⁶. Разработанные И.И. Бецким «твердые правила, по которым было назначено принимать, воспитывать и обучать юношество благород-

ное», требовали, чтобы «воспитание в кадетском корпусе было более практическим, нежели теоретическим, а учиться юношеству больше от смотрения и слышания, нежели от тверждения уроков». В уставе, представленном Бецким на подпись императрице, говорилось, что воспитание в кадетском корпусе «имеет целью: а) сделать человека здоровым и способным сносить воинские труды и б) украсить сердце и разум делами и науками, потребными гражданскому судье и воину»²⁷.

В качестве главных условий правильного, с точки зрения Бецкого, воспитания «новых людей» было принято два правила: во-первых, прием в корпус детей не старше шести лет (в этом-де возрасте еще возможно освободить ребенка от пороков, заимствованных им в семье) и, во-вторых, безотлучное пребывание в корпусе в течение 15 лет при редких, устанавливаемых печальством, свиданиях с родственниками под присмотром воспитателей (опять же изоляция от вредного влияния со стороны «старой породы») ²⁸. Главными средствами нравственного воспитания, «воспитания сердца», Бецкой считал «вкоренение страха Божия», изоляцию детей от окружающей среды, положительные примеры. Он предлагал поддерживать в детях склонность к трудолюбию, создавать у них привычку избегать праздности, быть учтивыми и сострадательными к бедности и несчастиям²⁹.

Эффективность обучения и воспитания в кадетских корпусах в первую очередь зависит от полноты и глубины охвата воспитательным процессом всех сторон жизни кадет: учебы, быта и отдыха. По мнению И.И. Бецкого, успех воспитательного заведения происходит преимущественно «...от удачного выбора начальствующих и учителей, одаренных здравым разумом и благоправием и не заразившихся надутым видом и угрюмостью». «Без хороших воспитателей тщетны все предписания», – говорил он³⁰. В октябре 1772 г. И.И. Бецкой обратился к Екатерине II с докладом «Причины, побуждающие к заведению воспитания мещанских детей при Сухопутном кадетском корпусе»³¹. Помимо изложения самих «Причин, побуждающих...» Бецкой представил вариант «договора для воспитателей» и, что очень существенно, разработанные им «Правила и наставления воспитателям благородного юношества Императорского Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, о предписанных им советом должностях, которые они имеют наблюдать как воспитатели и профессора для наставления и научения молодых

воспитанников»³². Они и были утверждены государыней 30 октября 1772 г., о чем И.И. Бецкой и информировал «...Императорского Сухопутного шляхетного кадетского корпуса совет». В этом документе были определены основные обязанности воспитателей, формы и методы работы с кадетами. В основу методов воспитания были положены требования о том, что с детьми воспитатели должны были «...обходиться со всей тихостью и учтивостью, как должны быть неразлучны с воспитанием»³³. Особое значение придавалось в корпусе нравственному воспитанию, в котором И.И. Бецкой видел основу формирования у кадетов верности престолу, чувства национальной гордости, важнейший путь развития волевых качеств. «Все способы употребить, – требует он в “Уставе Шляхетного сухопутного кадетского корпуса...” – к совершению в отроках благородного воспитания, вкоренить в них изящные мысли, благоразумные и твердые основания...»

Идеи воспитания, его формы, цели и процесс активно обсуждались в 70-е гг. XVIII в. в российском обществе. В 1774 г. были изданы «Учреждения и уставы касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоего пола в удовольствие общества собрания и изданные», в которых определяется главная цель воспитания: «... всякому состоянию и разным переменам государства сведущему известно, что благоправие есть твердейшая оных подпора, ибо им направляются сердца к добродетели и умы разными знаниями просвещаются. Но как первоначальным источником своим имеет оно *благое воспитание*, без которого тщетными были все усилия человеческого разума к произведению тех неисчерпаемых польз и выгод, каковыми наслаждаются общества посредством *любви к Отечеству...*»³⁴. Следует обратить внимание, как просто выглядела программа воспитания молодого поколения в то время: от хороших манер, сдержанности, вежливости, опрятности, доброты, то есть благовоспитанности, – к хорошему поведению, то есть благонаравию, и в результате – любви к Отечеству! Чем не программный минимум по воспитанию современного молодого поколения, будущего России, так как эти качества не передаются генетически, их можно только воспитать – с малых лет!

По мнению И.И. Бецкого и его преемника на посту директора Сухопутного шляхетного кадетского корпуса Ф.Е. Ангальта, кадеты должны учиться легко, без принуждения. В связи с этим понятна позиция директора корпуса относительно телесных наказаний.

В его приказе по кадетскому корпусу от 8 октября 1765 г. было записано: «Желательно было б, чтоб и не только телесные, но и всякого рода наказания вовсе уничтожены, но как, может быть, найдутся такие, которые пренебрегали такое неопределимое милосердие и, позабывшие свою должность, будут впадать в преступления, порочные дворянству, что таковые имеют быть наказуемые выговорами при собрании своих товарищей, штрафным столом (то есть питанием отдельно от товарищей. – Прим. авт.), сажанием под арест и на осла (дворянин мог ездить только на лошади, посадить его на осла было бесчестьем. – Прим. авт.), лишением постели и подушек, одеванием в китель (специальный штрафной китель черного цвета. – Прим. авт.), содержанием прочим кадетам во время кушанья (обслуживание во время обеда. – Прим. авт.), сажанием на хлеб и воду, лишением на время мундира, заключением в железа (пребывание под арестом в кандалах. – Прим. авт.)»³⁵.

Для поощрения отличившихся в учебе кадет были введены медали: в четвертом возрасте – серебряные, в пятом – золотые. Кроме того, «...всем кадетам, как заслужат похвальные от Совета свидетельства, при выпуске своем получать преимущества и почтение поручицкого чина»³⁶. Лучшим воспитанникам давалось преимущество при назначении; а при их желании и согласии родственников после окончания корпуса путешествовать в чужие страны «...позволяем три года путешествовать на иждивении казны корпуса»³⁷.

Большое значение имело личное общение генерал-директора И.И. Бецкого с кадетами, он часто приглашал к себе домой на чай лучших из них. Побеседовать с генерал-директором за чаем у него дома считалось среди кадет очень престижным³⁸.

В заключение отметим, что организация процесса воспитания встречала определенные трудности из-за привычки дворян учиться исключительно для воинской службы, без выработанной внутренней потребности образования. И.И. Бецкой указывал, что истинное просвещение должно быть основано на взаимодействии обучения и воспитания, совместном развитии разума и нравственного чувства, на согласовании европейского образования с русской самобытностью.

После отставки И.И. Бецкого Сухопутным шляхетным корпусом руководил генерал-адъютант граф Федор (Фридрих) Евстафьевич Ангальт (1732–1794), верный сторонник педагогических

идей эпохи Просвещения. При всем своем гуманизме педагогическая система Ф.Е. Ангальта имела и определенные недостатки. Увлечение общеобразовательными предметами и «изящными искусствами» привело к забвению собственно военного элемента. Военские науки преподавали в недостаточном объеме, а строевой подготовкой просто пренебрегали. Как писал В.О. Ключевский, в то время корпус «...всего менее занимался военными науками: это был светский университет, где преподавалось все, кроме того, что нужно офицеру, а воспитанники корпуса выпускались в большинстве случаев офицерами»³⁹.

Неудивительно, что занявший после смерти Ф.Е. Ангальта пост главного директора генерал-поручик Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, который к этому времени имел уже немалый опыт как войсковой службы, так и педагогической работы, сразу же взялся за усиление в корпусе военных начал. Начиная с 1794 г. стала четко прослеживаться тенденция преимущественного усиления военно-профессиональной направленности в воспитании учащихся Сухопутного кадетского корпуса. В одном из своих первых обращений к воспитанникам Кутузов заявил: «Граф Ангальт обращался с вами, как с детьми, а я буду обращаться, как с солдатами», чем привел кадет в большое волнение⁴⁰.

Дисциплина в корпусе стала гораздо строже, вернулись отмененные ранее телесные наказания, и вместе с тем повысились качество и объем преподавания военных наук. На основе изучения процесса формирования у учащихся военно-профессиональных качеств, необходимых будущему офицеру для успешного ведения боевых действий и организации обучения и воспитания нижних чинов, М.И. Кутузов пришел к выводу о необходимости существования в военно-учебном заведении настоящей военной организации, со всеми вытекающими из этого последствиями. В целом М.И. Кутузову удалось добиться поставленной цели и вернуть корпусу первоначальное предназначение. Но этот успех был достигнут с помощью очень жестких мер. Наказания, например, стали настолько суровыми, что один из кадет, боясь порки, выбросился в лестничный пролет.

Как человек, воспитанный армией, в отличие от Бецкого и Ангальта М.И. Кутузов поддерживал воинскую дисциплину и порядок не только методом убеждения, но и принуждения, о чем свидетельствуют такие слова одного из приказов по корпусу: «Из господ

кадет и гимназистов великое число является ленивых, которым на поправление успехов даю месяц сроку, ежели и затем окажутся таковые, то унтер-офицеры будут разжалованы, а кадеты — наказаны». И далее: «...за нерадение ни по какому случаю, доколе исправятся, со двора не увольнять, в свободные ж часы приказать заниматься обучением в каморах, а в праздничные дни не отпущать даже и во внутренность корпуса»⁴¹. Вместе с тем строгость у Кутузова — не самоцель, она сочеталась с мягкостью и учтивостью в обращении. Учтившийся в корпусе И.С. Ширкевич так описывал директора: «Вид грозный, но не пугающий юности, а более привлекательный. С кадетами обходился ласково и такого же обхождения требовал и от офицеров»⁴².

С целью формирования в учениках трудолюбия, постоянности и работоспособности в корпусе создается целая воспитательная система, в основе которой — формирование высокой нравственности личности. При личном участии М.И. Кутузова была разработана система воспитательных средств. Она рекомендовала дифференцированно применять меры убеждения и принуждения, а при наложении взысканий преследовать цель не столько наказания провинившегося, сколько воспитания коллектива⁴³. Добиваясь высокой успеваемости кадет, он ставит ее в прямую зависимость от прилежания. В корпусе была заведена особая книга, куда заносили «о ленивых свое замечание». «Сия книга, — говорил директор, — при выпуске уважаема будет более других аттестатов». Случаи проявления ленивости и неуспеваемости не оставались в корпусе без внимания. На неуспевающих кадет действуют не только убеждением, но и принуждением, назначают им дополнительные занятия даже в каморы. Примером того служат приказы по корпусу: «... Из господ кадет и гимназистов великое число явилось ленивых, которым на поправление успеха даю месяц сроку; ежели и затем окажутся таковые, то унтер-офицеры будут разжалованы, а кадеты наказаны»; «...за нерадение ни по какому случаю, доколе исправятся, со двора не увольнять, в свободные ж часы приказать заниматься обучением в каморах, а в праздничные дни не отпущать даже и во внутренность корпуса»⁴⁴.

С другой стороны, в тех же приказах по корпусу М.И. Кутузов неоднократно отмечал личный состав за отлично проведенные занятия: «Добрая воля и успехи господ унтер-офицеров, капралов и

господ кадетов оправдывает доброе о них мнение с самого начала, да благословит Бог течение в сем благородном поприще. Надеюсь, что не погубят они в праздности драгоценного времени в классах, по приобретут знания, нужные благородному человеку во всяком состоянии»⁴⁵.

М.И. Кутузову удалось решить многие вопросы, что позволило Сухопутному шляхетному кадетскому корпусу превратиться в кузницу высокопрофессиональных, грамотных кадров для российской армии.

¹ Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (далее – СПбФА РАН). Ф. 3. Оп. 9. Д. 2. Л. 1–18.

² Там же. Л. 4 об.

³ Там же.

⁴ Вестник Челябинского государственного университета. 2009. 12. История. Вып. 31. С. 56–63. Рубрика «Военная история».

⁵ Лалаев М.С. Исторический очерк Военно-учебных заведений подведомственных Главному их управлению от основания в России военных школ до исхода первого 25-летия благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича 1700–1880. СПб., 1880. С. 14.

⁶ Ломан Н.Л. Историческое обозрение 2-го Кадетского корпуса. СПб., 1862. С. 29.

⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 5404. Л. 1.

⁸ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 1. СПб., 1830. Т. 5 (1713–1719). № 3006. С. 320.

⁹ Евдокимов Л.Б. Патриотизм в понятии народов // Военный сборник. 1914. № 4. С. 134.

¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 314. Оп. 1. Т. 1. Д. 1708. Л.1–6.

¹¹ Там же. Д. 1665. Л. 3–4.

¹² Там же. Д. 1753. Л. 1–14.

¹³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 7. Кн. 396. Л. 45–48 об.

¹⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 829. Л. 3.

¹⁵ Там же. Л. 4.

¹⁶ Там же. Д. 832. Л. 3.

¹⁷ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 2233. Л. 55.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 62.

²⁰ Там же. Т. 1. Д. 2362. Л. 1–8.

²¹ Там же. Д. 2625. Л. 1–8.

²² Висковатов А.В. Краткая история Первого Кадетского корпуса, составленная бывшим воспитанником одного корпуса Александром Висковатовым. СПб., 1832. С. 23.

²³ Долгова С.Р. Борис Григорьевич Юсупов – реформатор Сухопутного шляхетного кадетского корпуса // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXVII. Первый кадетский корпус во дворце Меншикова: К 275-летию основания: Материалы научной конференции. СПб., 2007. С. 69, 76–80.

²⁴ Каптерев П.Ф. История русской педагогики. Изд. 2-е. СПб., б.г. С. 186.

²⁵ Висковатов А.В. Указ. соч. С. 38.

²⁶ Цит. по: Каменев А.И. История подготовки офицерских кадров в России. М., 1990. С. 23.

²⁷ Гурковский В.А. Кадетские корпуса в России (XVIII – начало XX вв.) // Образование и общество. 2002. № 1, 2; URL: <http://www.ruscadet.ru/history/comp/01.htm>. (дата обращения 23.12.07).

²⁸ Висковатов А.В. Указ. соч. С. 39.

²⁹ Бецкой И.И. Рассуждения, служащие руководством к новому установлению шляхетского кадетского корпуса, сколько принадлежат по воинской части оно-го. СПб., 1766.

³⁰ Лалаев М.С. Указ. соч. С. 52.

³¹ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 3492. Л. 4–7.

³² Там же. Л. 12–16.

³³ Там же. Л. 12.

³⁴ Там же. Д. 3586. Л. 1а.

³⁵ Там же. Д. 3286. Л. 16–17.

³⁶ Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоего пола. В 2-х т. СПб., 1774. Т. 1. С. 22–28.

³⁷ Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания... С. 22–28.

³⁸ Вискатов А.В. Указ. соч. С. 103.

³⁹ Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1937. Ч. 5. С. 176.

⁴⁰ Глинка С.И. Записки. СПб., 1895. С. 376.

⁴¹ Цит. по: Галушко Ю.А., Колесников А.А. Школа российского офицерства. Исторический справочник. М., 1993. С. 27–28.

⁴² Записки Ивана Степановича Ширкевича. 1789–1808 // Русская старина. 1874. № 2. С. 216.

⁴³ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 8043. Л. 135–135 об.

⁴⁴ Кутузов М.И. Документы. М., 1950. Т. 1. С. 370–371.

⁴⁵ Галушко Ю.А., Колесников А.А. Указ. соч. С. 27–28.